

16. Седелникова О. В. Проблема жанров живописи в художественной критике А. Н. Майкова // Вестник ТГУ. – 2011. – № 353. – С. 42-47.

Научный руководитель О. В. Седелникова, д-р филол. наук, профессор ТПУ

Банземир А. И., студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

E-mail: bansemir@yandex.ru

Banzemir A.I.

GERMAN SOURCES IN MAIKOV'S ARTICLES ABOUT THE EXHIBITIONS IN THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS: PROBLEM STATEMENT

This article describes the main German sources which Maikov relied on in the concept critical approach in articles devoted to the exhibitions in the Imperial Academy of arts 1847-1853. The relevance of the work caused by adequate scientific review to publication critical heritage of Maikov. As a result, the study identified the main figures of German art criticism and works of German painting and major schools of fine arts of Germany, influenced the formation of Maikov's critical thought and his view of contemporary Russian and foreign art, as well as the challenges that he put before artists.

Keywords: Maikov, art criticism, philosophical aesthetics, art history.

Banzemir A., student

National Research Tomsk Polytechnic University

E-mail: bansemir@yandex.ru

Шатохина А. О.

КОНЦЕПТ В ОРИГИНАЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ И ИНОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ: НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»

В статье описана методология исследования переводов художественных произведений, синтезирующая лингвокультурологический, когнитологический и собственно литературоведческий подходы. Алгоритм анализа включает описание национальной картины мира, выделение ключевых концептов и установление способов их вербализации в оригинальном тексте, а также соотнесение картины мира оригинала и ее воспроизведения в переводах. Предложенная методология позволяет рассматривать произведения национальных литератур в контексте межкультурного диалога.

Ключевые слова: художественный перевод, Ф. М. Достоевский, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, картина мира, концепт.

Проблема инокультурной рецепции произведений художественной литературы является актуальным аспектом современного литературоведения, в частности достоевистики, и включает исследования по нескольким направлениям: 1) изучение освещения творчества отечественных литераторов в зарубежной критике (в этом ключе выполнены работы А. Б. Криницына [1], Т. В. Бузиной [2] и др.); 2) исследование влияния произведений национальных литератур на творчество зарубежных писателей (здесь следует отметить монографии П. Кая [3], Р. Р. Хуснулиной [4], статьи У. Дж. Леттербэрроу [5] и др.); 3) анализ переводческой рецепции художественных произведений (этой проблеме посвящены работы А. Н. Никулюкина [6], Т. В. Васильченко [7], О. В. Корневской [8] и др.). Настоящая работа относится к третьему из указанных направлений и посвящена англокультурной переводческой рецепции романа Ф. М. Достоевского «Игрок». Несмотря на пристальное внимание ученых к этой проблеме, вопрос о методологии исследования переводов художественного текста остается недостаточно разработанным. Это во многом объясняется разнообразием научных представлений о природе художественного перевода как такового и принципах его осуществления. Однако рассмотрение этого вопроса не входит в круг задач настоящей работы, здесь мы планируем описать один из методов анализа перевода художественного текста.

На наш взгляд, появление переводов литературных произведений на иностранные языки следует рассматривать как реплику в межкультурном диалоге. Такой подход задан вектором развития современного гуманитарного знания, антропоцентрическая ориентация которого обусловила рост интереса научного сообщества к проблемам национальной идентичности, взаимодействия мышления человека и действительности и воплощения этого взаимодействия в языке. В этом смысле появление таких изданий, как «Русская ментальность в языке и тексте» В. В. Колесова [9], «Константы: Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова [10], «Языковые картины мира как производная национальных менталитетов» О. А. Корнилова [11] и мн. др., представляется закономерным. Антропоцентризм проявляется и в современных литературоведческих исследованиях: ученые всё чаще обращаются к изучению картины мира в произведениях художественной словес-

ности. Анализ особенностей картины национального мира оригинального текста и полноты и точности ее воспроизведения в переводах является основным принципом предлагаемой нами методологии.

Понятие *картина мира* входит в терминологический аппарат многих областей научного знания (философии, психологии, лингвистики, семиотики, литературоведения, культурологии и истории культуры и т. д.), можно говорить о существовании научных школ и направлений, занимающихся этой проблемой. В философии используется термин *концептуальная картина мира*, в психологии ему соответствует *образ мира* и т. д. В литературоведческих исследованиях это понятие трактуется метафорически и встречается под разными названиями: образ мира у М. М. Бахтина [12], внутренний мир литературного произведения у Д. С. Лихачева [13], модель мира у Ю. М. Лотмана [14], поэтический мир и картина поэтического мира в постструктурализме [15]. Резюмируя интерпретации различных литературоведческих подходов, А. Д. Хугорянская определяет картину мира в литературоведении как «художественное целое, включающее пространственно-временной континуум с определенными героями, образующими *ценностное ядро мира* и осваивающими данный тип хронотопа в соответствии с художественным заданием автора, воплощенное (“завершенное”) в словесной ткани произведения. Основными параметрами картины мира в литературоведении можно признать художественное пространство и время, предметный мир, систему действующих в ней героев и систему инвариантных мотивов» [16, с. 5] (*курсив мой. – А. Ш.*). Этому определению мы и будем придерживаться в нашем исследовании. Однако следует обратить внимание на то, что художественное произведение – это порождение творческого сознания писателя, опосредованное общенациональным культурным, историческим и лингвистическим опытом народа, т. е. здесь происходит пересечение национальной и авторской картин мира. Ценностное ядро мира, образованное во взаимодействии героев и пространственно-временного континуума апеллирует к общенациональному, общекультурному в сознании читателя, которое у представителей разных наций имеет разную структуру и акценты.

Среди основных структурных единиц картины мира ученые выделяют лингвоэпистему (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров) [17], лингвокультуру (В. В. Воробьев) [18] и т. д. Однако основной единицей картины мира принято считать концепт, впервые упомянутый в отечественной научной литературе С. А. Аскольдовым-Алексеевым в статье 1928 г. «Концепт и слово», по мнению которого концепт – это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заменитель реальных предметов. Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, как, например, концепт “справедливость”. Наконец, он может быть заместителем разного рода <...> чисто мысленных функций. Таковы, например, математические концепты» [19, с. 271]. С тех пор это понятие многократно переосмысливалось представителями разных научных областей, однако единого определения до сих пор не существует.

Для достижения целей нашего исследования необходимо опираться на опыт когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и собственно литературоведения. В когнитивной лингвистике концепт трактуется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка мозга (*lingua mentalis*), *всей картины мира, отраженной в человеческой психике*» [20, с. 90]. В лингвокультурологии акцентируется культурная обусловленность концепта. Ю. С. Степанов считает, что концепты – это «основные ячейки культуры в ментальном мире человека, существующие в виде понятий, знаний ассоциаций, переживаний в сознании человека» [10, с. 41], «это <...> то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [10, с. 41]. В. И. Карасик утверждает, что концепт «группируется вокруг некой “сильной” (т.е. *ценностно акцентуированной*) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы» [21, с. 75] (*курсив мой. – А. Ш.*), его центром «всегда является *ценность*, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [21, с. 75] (*курсив мой. – А. Ш.*). Е. В. Бабаева характеризует концепт как структуру сознания, «в которой фиксируются ценности социума» [22, с. 26]. Механизм функционирования концепта в литературе описан в работе В. Зусмана: «В культурной коммуникации традиция, будучи общей для автора и читателя, создает возможность понимания смысла произведения литературы читателем, и она же обеспечивает последнего набором кодов-критериев, которыми он может воспользоваться, чтобы из множества текстов выделить корпус произведений художественной литературы. В качестве такого кода и может быть назван концепт» [23, с. 8].

При использовании концепта в качестве базовой единицы для анализа переводов необходимо учесть два фактора. Во-первых, функционируя в разных культурах, одни и те же концепты имеют разное содержание (в том числе, разные ценностные акценты): «Все произносят одни и те же слова <...> а ведь люди разных культур подразумевают под ними очень разные вещи. Знаки – те же самые: “бог”, “права человека”, “справедливость”, “закон” <...> но понимание комплекса представлений и идей, что залегают под этими знаками, различны, а иногда противоположны» [24, с. 17]. Во-вторых, структура национальных представлений о мире в различных культурах является уникальной. «При том, что все народы под одним солнцем и лунной и почти одинаковым небом ходят, вовлечены в единый мировой исторический процесс, они ходят по разной земле и разный быт имеют, из различной почвы вырастают, жизненными темпоритами различены. А отсюда ценности, общие для всех народов (жизнь, свет, дом, семья, слово, бог и т. п.), располагаются в разном соотношении» [24, с. 18] (*курсив автора. – А. Ш.*). Иными словами, при анализе концептосферы художественного произведения и ее репрезентации в текстах переводов крайне важно учитывать не только литературоведческий подход к интерпретации концепта, но и опыт лингвокультурологии, особо выделяющей ценностную

составляющую концепта, и когнитивистики, рассматривающей концепт как содержательную единицу ментального лексикона. Применение такого комплексного подхода позволяет выявить аксиологически значимые концепты в художественной ткани произведения.

Прежде чем исследовать полноту и точность репрезентации национальной картины мира в текстах переводов, необходимо изучить концептуальную структуру оригинала. Концептосфера романа «Игрок» ранее не подвергалась системному анализу, хотя существует ряд работ, в той или иной степени затрагивающих эту проблему. Здесь следует упомянуть статью Н. В. Живолуповой «Исповедь антигероя», в которой рассмотрены концепты «судьба» и «свобода» [25], ряд работ Т. В. Бузиной [26], монографию В. И. Габдуллиной [27] и др.

Как было сказано выше, национальная картина мира в произведении воспроизводится через хронотоп, предметный мир, систему образов и инвариантных мотивов, поэтому для выявления соответствия между картиной мира оригинального текста романа «Игрок» и его переводов мы предлагаем рассмотреть концепты категории *человек* и категории *пространство*.

На наш взгляд, подобный подход к анализу переводов художественной литературы позволяет избежать создания искусственной ситуации, в которой существование переводной литературы рассматривается исключительно как самостоятельное явление в отрыве от культурно-исторического контекста, а анализ переводных текстов становится самоцелью и сводится к субъективному заключению о правильности или неправильности передачи того или иного явления средствами переводящего языка с точки зрения той или иной переводческой теории. Однако следует отметить, что описанный подход, в котором произведения словесности расцениваются как реплики в межкультурном диалоге, адекватен для решения задач нашего исследования, в то время как ученые, ставящие перед собой иные задачи, нуждаются в других методах.

Список использованных источников

1. Криницын А. Б. Достоевский в Германии // Достоевский и XX век. Под редакцией Т. А. Касаткиной. В 2-х томах. Т. 2. – М.: ИМЛИ РАН. – 2007. – С. 178–249.
2. Бузина Т. В. Достоевский в американской культуре и литературоведении // Достоевский и XX век. Под ред. Т. А. Касаткиной. Т. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 317–335.
3. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение. – 2006. – 624 с.
4. Kaye, P. Dostoevsky and English Modernism, 1900–1930. Cambridge University Press. – 1999. – 428 p.
5. Хуснулина Р. Р. Английский роман XX века и наследие Ф. М. Достоевского. – Казань: Издательство Казанского государственного университета. – 2005. – 260 с.
6. Leatherbarrow, W. J. Introduction: Dostoevskii and Britain // Dostoevskii and Britain. Oxford/ Providence, USA. Berg Publishers Ltd. – 1995. – P. 1–39.
7. Nikoliukin A. N. Dostoevskii in Constance Garnett's Translation // Dostoevskii and Britain. Oxford / Providence, USA. Berg Publishers Ltd. – 1995. – P. 207–227.
8. Васильченко Т. В. Роман Ф. М. Достоевского в англоязычных переводах: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2007. – 215 с.
9. Корневская О. В. Репрезентация русского мира в немецких переводах романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2011. – 225 с.
10. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
11. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
12. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2-е испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
13. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 7–180.
14. Лихачев Д. С. Внутренний мир литературного произведения // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.
15. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – С. 251–292.
16. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
17. Хуторянская А. Д. Параметры художественной картины мира в литературоведении. // Картина мира в художественном произведении: мат-лы Междунар. науч. интернет-конференции. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – С. 3–7.
18. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. – 84 с.
19. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 1997. – 332 с.
20. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. – Вып. 2. – Л., 1928. – С. 28–44.
21. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
22. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.
23. Бабаева Е. В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. – С. 25–34.
24. Зусман В. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – С. 5–12.
25. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.

26. Живолупова Н. В. Исповедь антигероя в архитектонике «Игрока» Достоевского // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 13–16.
27. Бузина Т. В. Достоевский. Динамика судьбы и свободы. – М.: РГГУ, 2011 – 348 с.
28. Габдуллина В. И. «Блудные дети двести лет не бывшие дома»: Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского: монография. – Барнаул: БГПУ. – 2008. – 303 с.

Научный руководитель О. В. Седельникова, д-р филол. наук, профессор ТПУ

Шатохина А. О., старший преподаватель, аспирант
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
E-mail: shato3012@yandex.ru

Shatokhina A.O.

THE CONCEPT IN ORIGINAL LITERARY WORK AND ITS FOREIGN TRANSLATION: EXPLORING THE «GAMBLER» BY F. M. DOSTOEVSKY

The article describes the methodology for research of the translations of the works of literature, combining the methods of linguocultural studies, cognitive linguistics and literary studies. The method includes the following stages: describing the worldview, choosing the key concepts and defining the ways of their representation in original texts, as well as comparing of worldview of the original and its reproduction in translations. The suggested methodology allows regarding works of national literatures as part of intercultural dialogue.

Keywords: literary translation, F. M. Dostoevsky, linguocultural studies, cognitive linguistics, worldview, concept.

Shatokhina A. O., senior lecturer, graduate student
National Research Tomsk Polytechnic University
E-mail: shato3012@yandex.ru

Ручина А. В.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РАССКАЗАХ ЛУ СИНЯ

В статье рассматривается несколько рассказов великого китайского автора Лу Синя из его сборника «Ключ». Особое внимание автор акцентирует на проблемах простого человека, современника автора.

Ключевые слова: нравственность, несправедливость, революция, власть, простой народ, гуманность.

Лу Синь (настоящее имя Чжоу Шужень, 1881–1936) – выдающийся китайский писатель начала XX в. и один из знаменательных авторов мировой литературы. Его творчество относится к тяжелейшему для Китая времени. Он был мастером короткого рассказа. Несмотря на небольшой объем произведения, Лу Синь мог мастерски раскрыть самые насущные проблемы своего времени. Его перу принадлежат такие знаковые произведения, как «Записки сумасшедшего» и «Подлинная история А-кью». Он был одним из первых, кто позволил себе открыто заявить о несправедливом и жестоком отношении к простому человеку со стороны власти, чем снискал особое расположение со стороны самого Мао Цзэдуна, который говорил, что «Лу Синь был не только великим писателем, но и великим мыслителем и великим революционером». Лу Синь продолжает вызывать неподдельный интерес и простого читателя, и ученых всего мира.

Начало XX в. для Китая – это время долгожданных перемен не только в государственном устройстве страны, но и, как следствие, в духовной сфере. Страна переживала смутное время, то и дело вспыхивали восстания и протесты. Главные действующие лица рассказов Лу Синя – это простые рабочие люди, чаще крестьяне, интеллигенция и мещане. Народ был доведен до крайности и отчаяния тяжелым трудом, голодом и нищетой. Высокопоставленные чиновники не желали видеть, насколько убогой жизнью живет народ; их совершенно не волновало, что к началу века небывалого технического развития и прогресса большая часть населения была абсолютно безграмотна. Веками существовавшие феодальные порядки вынуждали к осуществлению давно назревавших революционных преобразований. Лу Синь был одним из первых авторов, заявивших об этом в своих произведениях. С одной стороны, его глубоко задевал вопрос нелегкой жизни его народа. Он ратовал за просвещение народных масс, за достойное существование каждого члена общества, за общество без классовых предрассудков, укоренившихся в Китае с древнейших времен. В то же время он всем сердцем переживал, что, несмотря на беспощадный гнет со стороны господствующих классов, народ продолжает безропотно сносить издевательства. Заслуга художника состояла в том, что он ввел в китайскую литературу персонажей, которые раньше считались недостойными того, чтобы о них писали. Лу Синь открывает сложный внутренний мир простого китайца, показывает, насколько глубокими могут быть переживания самого обычного, непримечательного человека.

Родился и рос писатель в семье отнюдь не бедной, но в подростковом возрасте он сталкивается с арестом деда и смертью отца – кормильца семьи, что приводит семью к разорению. Именно в это время